

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В РОССИИ КАК ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2023 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.04.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается русская философия права, раскрывается ее теоретический и ценностный потенциал быть основой современной национальной правовой идеологии России. Анализируются взгляды К.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, которые, по утверждению автора, сумели в своих произведениях показать существо русского национального характера и российской государственности. Утверждается, что русская философия права, достигшая своего апогея в XIX – первой трети XX в., и в настоящее время не только не устарела, но должна стать основой современных теоретических исследований в области национального государственного строительства, формирования внутренней и внешней политики Российского государства. Раскрывается системообразующий характер философии права для фундаментальных юридических наук.

Ключевые слова: русская философия права, национальная правовая идеология, политико-правовая культура, духовно-нравственные ценности.

Цитирование: Савенков А.Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.

DOI: 10.31857/S102694520027259-5

THE PHILOSOPHY OF LAW IN RUSSIA AS THE IDEOLOGICAL AND THEORETICAL BASIS OF THE NATIONAL LEGAL IDEOLOGY: HISTORY, MODERNITY AND PROSPECTS

© 2023 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@yandex.ru

Received 30.04.2023

Abstract. The article examines the Russian Philosophy of Law, reveals its theoretical and value potential to be the basis of the modern national legal ideology of Russia. The views of K.S. Aksakov, N. Ya. Danilevsky, N.A. Berdyaev, I.A. Ilyin are analyzed, who, according to the author, managed to show the essence of the Russian national character and Russian statehood in their works. It is argued that the Russian Philosophy of Law, which reached its apogee in the XIX – first third of the XX century, is not only not outdated at the present time, but should become the basis of modern theoretical research in the field of national state-building, the formation of domestic and foreign policy of the Russian state. The system-forming nature of the Philosophy of Law for fundamental legal sciences is revealed.

Key words: Russian Philosophy of Law, national legal ideology, political and legal culture, spiritual and moral values.

For citation: Savenkov, A.N. (2023). The Philosophy of Law in Russia as the ideological and theoretical basis of the national legal ideology: history, modernity and prospects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 7–23.

Философия права была и остается одной из самых непростых дисциплин в обиходе юристов и философов. Причем каждой группе кажется, что постижение права с помощью познавательных ресурсов и возможностей, накопленных в философии, может быть адекватно осуществлено только с определенной и, как правило, своей точки зрения. Промежуточное звено занимают те, кто утверждает, что философия права представляет собой междисциплинарную область знаний. При этом часто забывается, что философия – это не только специальная область знаний (*философские науки* – такое необычное для философии и науки соединение!), но и определенная культура знаний, отличающаяся своеобразием как по сути аккумулируемых и вырабатываемых знаний, так и типом их организации. Можно предположить, что природа знания принципиально не меняется, меняются его объемы, содержание, способы добывания, организация и т.п. Например, немецкие юристы и философы права второй половины XX в. утверждали, что между философией права и теорией права почти невозможно провести никакой границы. Их обособленное существование легче и лучше всего объясняется лишь констатацией такой двойственности как исторического факта¹.

Для философов философия права служила и служит, как правило, для того, чтобы охватить своим философским взором одну из важнейших сфер жизни человека и общества. Говоря об устройстве мира и политических формах общежития, философы не могли обойти вниманием вопрос о началах такого устройства, о справедливости, способах лучшего правления, кто и как должен править, формулах разрешения споров. Для юристов философия права, по существу, служила собственно теорией справедливости и порядка, тем фундаментом, который превращал техническое искусство юристов в науку, придавая ей глубокий и осмысленный характер. При этом юристы, или точнее знатоки права, с древнейших времен задавались вопросами о том, что представляет собой наука о праве, или точнее учение о праве. Вопрос о природе и характере философии права – это большая и сложнейшая проблема, которая совершенно не утратила актуальности в наши дни. При этом всегда крайне плохо и примитивно смотрится узурпация прав на философию, когда (как это часто бывает в западной литературе) высказываются претензии, что лишь определенные страны способны к философии. Философия – это прежде всего культура мышления, которая стремится ответить на вопросы о сущности и значении человека и мира, в котором он живет. Поэтому философия всегда имеет определенные черты, определенный интеллектуально-духовный и культурный облик. Существует китайская философия,

¹ См.: Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllsbach ... 7, neu bearb. und erw. Aufl. – Heidelberg, 2004. S. 19.

индийская философия, античная философия, западноевропейская философия, русская философия и т.д. Аналогичным образом совершенно оправданно и правомерно вести речь о философии права различных культур, исторических и национально-культурных общностей.

Русская философия права представляет собой самобытное явление, которое содержит как национальные, так и универсальные черты, обусловленные историей России и ее цивилизационными характеристиками. Было бы совершенно неправомерно отрицать значительное влияние различных других культур на русскую политическую и правовую культуру, но столь же ошибочно отрицать самобытность русской философии права, свойственной российскому многонациональному народу культуры размышлений о праве, справедливости, порядке, свободе, политических формах общественной жизни и др.

Современный этап общественного развития актуализировал традиционные проблемы не только русской, но и вообще общемировой философии права. Речь идет о поиске идеологических основ современного общества, роли человека в современном мире, ценностных основаниях существования и сосуществования народов и государств, справедливых началах мироустройства и др.

Постсоветское государство и общество в России долгое время пребывали в поисках новой идеологии, которая часто подменялась разнообразными версиями либерализованных взглядов иностранных философов и политологов, а часто квазифилософов. Однако ни западноевропейская, ни англо-американская мысль не смогли стать ведущим ориентиром для современной российской политико-правовой культуры, причем даже в решении обыденных социальных задач. Причина такого положения прежде всего в том, что они переживают глубокий кризис, который отличается деградацией лучших достижений политико-правовой мысли.

Россия уверенно пытается создать (а точнее, возродить) основы другого типа политико-правовой культуры. Она предпринимает практические шаги к тому, чтобы сформировать фундамент для поиска ответов на непреходящие философско-правовые и социально-практические вопросы существования человека и общества.

За последние несколько лет в России сформировался уникальный опыт стратегического планирования в области правовой, этико-политической и нравственно-духовной идеологии. В то время как в ряде зарубежных стран наблюдается агрессивная практика отмены ценностного содержания общественной и индивидуальной жизни, в нашей стране закладываются фундаментальные основы такого типа политико-правового мышления, который

прямо и открыто выражается в официальных государственных актах, носящих характер доктринальных документов. Иными словами, идеологическое содержание современного правового развития России дается открыто и общедоступно в виде качественно нового выражения представлений государства и общества о лучшем и справедливом устройстве социального порядка и осуществлении индивидуальных прав граждан.

Закрепляя в доктринальных документах ряд важнейших ценностных установок и ориентиров, Россия придает принципиально новое качество концепции правового государства. Нравственно-духовное своеобразие русской политико-правовой культуры фиксируется в правовой форме, имеющей системную структуру: от Конституции РФ до законов и подзаконных актов, включая и важнейшие доктринальные правовые акты.

В связи с приведенными соображениями представляется необходимым обозначить важную проблему развития фундаментальных юридических наук. Ее суть заключается в том, что философия права, по нашему убеждению, предполагает не только отвлеченно формальный характер, например, в виде некоей чистой гносеологии, а может разрабатываться и развиваться как материальная концепция, примеров чему в истории немало. И основу ее материального содержания может составлять политико-правовая культура по принципиальному сохранению и укреплению традиционной нравственно-духовной идентичности российского народа.

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»² прямо закрепляется и разъясняется понятие традиционных ценностей, характерных для русской мировоззренческой культуры с учетом ее исторического, многонационального, многоконфессионального разнообразия. Так, в частности, под традиционными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Одна из ключевых идей приведенного определения обозначается как общероссийская гражданская идентичность, которая является результатом

² См.: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

нравственных и мировоззренческих ориентиров граждан России. В таком определении, имеющем правовой характер, возникает определенная историко-культурная глубина. В свое время о таком подходе мечтали ведущие западноевропейские правоведы. Например, О. Гирке утверждал, что любые правовые понятия всегда имеют материальное содержание в жизни народа, есть выражение его наиболее передовых представлений о справедливом устройстве социального порядка, причем как настоящего, так и будущего³.

С позиции государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей к таковым относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Сохранение, сбережение и укрепление традиционных ценностей российского народа является не просто одним из факторов формирования современной правовой идеологии и государственной политики, а составляет ее стержень, смыслообразующий компонент. Это демонстрирует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁴, которая как документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации определяет систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти».

Согласно данному документу Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

В одном из образцовых и уникальных исследований политико-правовых ценностей, выполненном коллективом сотрудников Института государства и права Российской академии наук ещё в 1999 г., проф. В.Г. Графский писал о том, что

³ См.: *Gierke O. Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien. Tübingen, 1915.*

⁴ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

вариантом обсуждения сквозной идеи власти законов можно считать «рассмотрение законности как атрибута политики национальной безопасности, безопасности не только военной или политической, но также социальной, экологической и иной, сходной по значению»⁵. В этом пояснении проблема правового государства, по существу, означает требование воплощенной защиты традиционных ценностей и культуры. Иными словами, законность трактуется не просто как формальный режим или принцип, а как ценностная категория, воплощающая в себе определенное аксиологическое измерение. Весьма проникательно проф. В.Г. Графский отметил на рубеже веков смысл тех проблем, которыми занимаются современная российская государственная политика и философия права в условиях трансформаций мирового порядка.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается, что угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории Российской Федерации.

При этом признается важность противодействия деструктивным идеологиям и идеологическим практикам, служащим цели пересоздания базовых ценностей российского общества. Поэтому категорически неприемлемым считается идеологическое и психологическое воздействие на граждан, ведущее к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации точно обозначаются риски, связанные с распространением деструктивной идеологии, которые прежде всего выражаются в опасности искажения исторической правды, разрушения исторической памяти, отрицания российской самобытности, ослабления общероссийской гражданской идентичности и единства

⁵ Политико-правовые ценности: история и современность / В.Г. Графский, Д.В. Дождев, Н.Н. Ефремова и др.; отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 2000. С. 89.

многонационального народа России, создания условий для межнациональных и межрелигиозных конфликтов. Кроме того, деструктивно-идеологическое влияние способствует подрыву доверия к институтам государства, дискредитации идеи служения Отечеству, формированию негативного отношения к воинской службе и государственной службе в целом.

В качестве основных направлений противодействия распространению деструктивных идеологий в России и возможных способов решения соответствующих проблем рассматриваются повышение эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских организаций и организаций культуры по защите исторической правды, сохранению исторической памяти, противодействию попыткам фальсификации истории, сбережению исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России.

О своеобразии, значении и характере русской ментальности, политико-правовой культуры и мысли многократно писали авторитетные мыслители и ученые разных эпох. Причем дававшиеся ими характеристики специфики русской культуры философии политики и права в основном были чрезвычайно глубокими и точными, сохраняя свой познавательный и просветительский потенциал для всех последующих поколений. Вряд ли сможем найти сколько-нибудь существенные опровержения тех оценок и выводов, которые содержатся в работах выдающихся русских ученых относительно социально-культурной ценности русской политико-правовой мысли. Однако по-прежнему актуальной остается задача по надлежащему обобщению и разъяснению различных трактовок русской национальной идеи, значения традиционных ценностей, их роли в формировании политико-правовой культуры российского народа, а также критика тех подходов, которые выступают с намеренной целью искажения и фальсификации российской правовой идеологии.

Одной из глубоких и особенных черт русской духовно-нравственной культуры является православие, которое часто обозначалось как своего рода водораздел между Россией и инославным Западом. К.С. Аксаков считал, что принятие на Руси православия (по его мнению, единственно истинной формы христианства) положило непременную черту между Россией и католическим Западом; указывал, что историческая роль («богоизбранность») России заключается в сохранении православия для всего человечества.

И здесь необходимо отметить размышление преподобного Серафима Саровского, русского

«учительного старца», который говорил о стяжании мирного духа как важнейшем духовном наставлении. Это важно не только для понимания православия, но показывает одну из существенных черт русского народа вообще. Представляется, что именно в таком значении следует понимать разъяснение некоторой аполитичности русского народа, которое давалось К.С. Аксаковым в Записке «О внутреннем состоянии России», представленной Государю Императору Александру II в 1855 г.⁶

Так, К.С. Аксаков, в частности, утверждал, что «русский народ есть народ не государственный, т.е. не стремящийся к государственной власти...»⁷. По мнению одного из ведущих русских славянофилов, «самым первым доказательством тому служит <...> Россия 1612 года, когда не было царя, когда все государственное устройство лежало вокруг разбитое вдребезги, и когда победоносный народ стоял, еще вооруженный, в умилении торжества над врагами, освободив свою Москву: что сделал этот могучий народ, побежденный при царе и боярах, победивший без царя и бояр, с стольником князем Пожарским, да мясником Козьмою Мининым во главе, выбранными им же? Что сделал он? <...> народ призвал государственную власть, избрал царя и поручил ему неограниченно судьбу свою, мирно сложив оружие и разошедшись по домам. Эти <...> доказательства так ярки, что прибавлять к ним, кажется, ничего не нужно»⁸.

Продолжая свои размышления о роли государства в народном сознании, К.С. Аксаков писал: «В русской истории нет ни одного восстания против власти в пользу народных политических прав. <...> В Русской истории встречаются восстания за законную власть против незаконной; законность иногда понимается ошибочно, но, тем не менее, такие восстания свидетельствуют о духе законности в Русском народе. Нет ни одной попытки народной принять какое-нибудь участие в правлении. Были жалкие аристократические попытки в этом роде еще при Иоанне IV и при Михаиле Федоровиче, но слабые и незаметные. Потом была явная попытка при Анне. Но ни одна такая попытка не нашла сочувствия в народе и исчезла быстро и без следа»⁹.

⁶ Записка, написанная в 1855 г., предназначалась для нового российского императора Александра II. Впервые была опубликована в 1881 г. И.С. Аксаковым в разделе «Политическое обозрение» газеты «Русь» (Первые восемь частей «Записки» в № 26. С. 11–15; ч. 9–12 в № 27. С. 17–20). Печатается по: Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избр. труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мыркова, Е.Б. Фурсова. М., 2010. С. 227–251.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

К. С. Аксаков полагал, в частности, что для объяснения якобы аполитичного мышления русского человека, а на самом деле своеобразия его политико-правовой культуры может служить идущее из древности «разделение всей России, в понимании Русского человека, на *государство* и *землю* (правительство и народ), — и оттуда явившееся выражение: *государево* и *земское дело*. Под *государевым делом* разумелось все дело *управления* государственного, и внешнего и внутреннего, — и по преимуществу дело военное, как самое яркое выражение государственной силы. Государева служба доселе значит в народе: служба военная. Под *государевым делом* разумелось, одним словом, все правительство, все государство. Под *земским делом* разумелся весь быт народный, вся *жизнь* народа, куда относится, кроме духовной, общественной его жизни и материальное его благосостояние: земледелие, промышленность, торговля. Поэтому людьми *государевыми* или *служилыми* назывались все те, которые служат в государственной службе, а людьми *земскими* — все те, которые в государственной службе не служат и составляют ядро государства: крестьяне, мещане (посадские), купцы. Замечательно, что и служилые и земские люди имели свои официальные наименования: служилые люди, в просьбах государю, напр., назывались его *холопами*, от первого боярина до последнего стрельца. Земские люди назывались его *сиротами*; так писались они в своих просьбах государю. Именования эти вполне выражали значение и того и другого отдела или класса»¹⁰.

Из этих и ряда других размышлений следует для К. С. Аксакова совершенно определенный вывод о том, что отношение русского народа к политической свободе иное, которое выражается не в стремлении обладать властью. Для русского человека значительно большее значение имеет глубочайшее устремление к обретению свободы жизни духовной и мирного благосостояния. Это отнюдь не следует понимать как отказ от политической морали, напротив, в этом кроится определенный тип политико-правовой культуры, возвышающийся над простым стремлением к обладанию властью.

К. С. Аксаков писал: «Как высоко стоит откинувшийся от себя всякое честолюбие, всякое стремление к власти мира сего, и желающий не политической свободы, а свободы жизни духовной и мирного благосостояния! Такой взгляд есть залог мира и тишины, и таков взгляд России, и только России. Все иные народы стремятся к народовластию»¹¹.

С позиции славянофильской концепции К. С. Аксакова, «вне народа, вне общественной жизни, может

быть только *лицо*. Одно только лицо может быть неограниченным правительством, только лицо освобождает народ от всякого вмешательства в правительство. Поэтому здесь необходим государь, монарх. Только власть монарха есть власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе. Такое монархическое правительство и поставил себе народ русский»¹².

К. С. Аксаков подчеркивал, что политический «взгляд Русского человека есть взгляд человека *свободного*. Признавая государственную неограниченную власть, он удерживает за собою совершенную независимость духа, совести, мысли. Слыша в себе эту независимость нравственную, Русский человек, по справедливости, не есть раб, а человек свободный. Монархическое неограниченное правительство, в русском понимании, является не врагом, не противником, а другом и защитником свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся в открыто возвещаемом мнении. Только при такой полной свободе может быть народ полезен правительству. Свобода политическая не есть свобода. Только при совершенном отрешении народа от государственной власти, только при неограниченной монархии, вполне предоставляющей народу всю его нравственную жизнь, может на земле существовать свобода истинная народа»¹³.

Другим важнейшим для понимания самобытности русской политико-правовой мысли примером является уникальная по содержанию и опередившая большинство известных цивилизационных исследований в зарубежной литературе работа уроженца Орловской губернии Н. Я. Данилевского. Его главный труд — «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому»¹⁴ — вводит и раскрывает взаимоотношения России и Европы с помощью понятия культурно-исторического типа. Благодаря данному культурно-феноменологическому конструкту русская культура в целом идентифицируется как уникальный цивилизационный тип — отдельный культурно-исторический тип.

Н. Я. Данилевский заслуженно признается классиком русской геополитики, основателем цивилизованного подхода к истории. Ф. М. Достоевский

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2015.

¹⁰ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Указ. соч.

¹¹ Там же.

назвал «Россию и Европу...» «настолярной книгой каждого русского».

Н.Я. Данилевский, отрицая всякую общечеловеческую задачу в истории, считал Россию и славянство культурно-историческим типом, которому дано равномерно развить все четыре сферы человеческой деятельности и осуществить полную «четырёхосновную» культуру.

Среди прочего он отмечал, что большую часть своего политического пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания.

Подчеркивая колониальный и захватнический дух основных западноевропейских стран, а также (если не в первую очередь) спасительную роль России в сохранении Европы, Н.Я. Данилевский писал: «Франция при Людовике XIV и Наполеоне, Испания при Карле V и Филиппе II, Австрия при Фердинанде II действительно тяготели над Европой, грозили уничтожить самостоятельное, свободное развитие различных ее национальностей, и большого труда стоило ей освободиться от такого давления. Но есть ли что-нибудь подобное в прошедшей истории России? Правда, не раз вмешивалась она в судьбы Европы, но каков был повод к этим вмешательствам? В 1799-м, в 1805-м, в 1807 г. сражалась русская армия, с разным успехом, не за русские, а за европейские интересы. Из-за этих же интересов, для нее, собственно, чуждых, навлекла она на себя грозу двенадцатого года; когда же смела с лица земли полумиллионную армию и этим одним, казалось бы, уже довольно послужила свободе Европы, она не остановилась на этом, а, вопреки своим выгодам, — таково было в 1813 году мнение Кутузова и вообще всей так называемой русской партии, — два года боролась за Германию и Европу и, окончив борьбу низвержением Наполеона, точно так же спасла Францию от мщения Европы, как спасла Европу от угнетения Франции. Спустя тридцать пять лет она опять, едва ли не вопреки своим интересам, спасла от конечного распада Австрию, считаемую, справедливо или нет, краеугольным камнем политической системы европейских государств»¹⁵.

По Данилевскому, Европа «видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., — материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеялась, как особенно надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм,

только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира»¹⁶.

И даже более того, как писал Н.Я. Данилевский, «Европа видит <...> в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает, или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно — чтобы не сказать невозможно — перенести это. Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь»¹⁷.

К.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский и другие мыслители русской философской и политико-правовой традиции писали не только о своеобразии и значении русского взгляда на природу политики и права, свободы, справедливости, правды, нравственности и других важнейших элементов человеческой культуры. Они не раз подчеркивали настоятельное требование к тому, чтобы в противостоянии различных культурно-исторических типов сохранять, так сказать, историческую бдительность. В таком ключе весьма примечательны размышления известного русского философа и публициста Н.А. Бердяева, сформулированные им в книге «Судьба России»¹⁸, в которой автор обозначил свои чаяния о судьбе русского народа и о судьбе Российского государства.

По мнению Н.А. Бердяева, Европе, которая не извлекает уроков из истории, в том числе пережитых Россией, «грозит внутренний взрыв и катастрофа <...>. Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация. И тогда кара придет из Азии. На пепелище старой христианской Европы, истощенной, потрясенной до самых оснований собственными варварскими хаотическими стихиями, пожелает занять господствующее положение иная, чужая нам раса, с иной верой, с чуждой нам цивилизацией. По сравнению с этой перспективой вся мировая война есть лишь семейная распря. Теперь уже в результате мировой

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / предисл. Л. Полякова. Репринт. воспроизв. изд. 1918 г. М., 1990.

¹⁵ Данилевский Н.Я. Указ. соч.

войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы»¹⁹. Проницательные слова Н.А. Бердяева точно подмечают сложнейшие трансформации на геополитической карте мира, которые имеют самое непосредственное отношение к пониманию факторов, оказывавших и оказывающих влияние на направления развития политико-правовой мысли. Кроме того, англо-американская литература прогностического плана, которая приобрела популярность во второй половине XX в., совершенно не может сравниться по уровню выводов с теми наставлениями и предупреждениями, которые содержатся в русской политико-правовой и философской классике.

Спустя много лет, но уже в значительно более простых характеристиках о стратегическом влиянии США и Китая говорит Г. Киссинджер, в частности, в интервью газете "The Sunday Times".

В конце 2019 г., рассуждая о состоянии «холодной войны II», Г. Киссинджер примечательно ответил: «Две страны, способные доминировать в мире» – США и Китай – «соревнуются друг с другом как главные соперники. Ими управляют несовместимые внутренние системы. И это происходит (в тот период), когда технологии означают, что война отбросит цивилизацию назад, если не уничтожит ее»²⁰. По мнению бывшего государственного секретаря США, «обе сверхдержавы теперь имеют сопоставимые экономические ресурсы (чего никогда не было в первую "холодную войну"), а технологии разрушения стали еще более ужасающими (особенно с появлением искусственного интеллекта) <...>, а ждать, пока Китай станет западным», больше не является правдоподобной стратегией. <...> Я не верю, что мировое господство – это китайская концепция, но может случиться так, что они станут такими могущественными. А это не в наших интересах. <...> И поэтому необходим диалог»²¹.

Уж насколько поучительной могла быть русская классика для американской политологии, если бы ориентировалась на изучение мирового

интеллектуального наследия, а не на искусственное создание «оригинальной» мысли и традиции! Слова американского государственного секретаря интересны прежде всего тем, что служат прямым и наглядным подтверждением правомерности и обоснованности выводов, которые предлагались К.С. Аксаковым, Н.Я. Данилевским, и в особенности Н.А. Бердяевым.

По мнению последнего, «России все еще не знает мир, искаженно воспринимает ее образ и ложно и поверхностно о нем судит. Духовные силы России не стали еще имманентны культурной жизни европейского человечества. Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством»²².

Н.А. Бердяев был совершенно прав, утверждая, что «русское государство давно уже признано великой державой, с которой должны считаться все государства мира, и которая играет видную роль в международной политике. Но духовная культура России, то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире. Дух России не может еще диктовать народам тех условий, которые может диктовать русская дипломатия»²³.

По оценке Н.А. Бердяева, «великий раздор войны должен привести к великому соединению Востока и Запада. Творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте. То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным. Для этого давно уже созрели потенциальные духовные силы России»²⁴.

Н.А. Бердяев выражал в своих работах то довольно противоречивое на первый взгляд настроение, которое часто характеризовало русскую философскую и политико-правовую мысль. Большинство писателей, в том числе тех, о которых шла речь выше, пытались оправдать своеобразие русской государственной идеологии, отношение русского человека к государству прежде всего на контрасте с определенными образами из истории Западной Европы. Для этого были определенные причины. Однако это и создавало противоречивое впечатление от некоторой двойственности размышлений, когда, с одной стороны, признавалась аполитичность русского менталитета,

¹⁹ Бердяев Н.А. Указ. соч.

²⁰ Henry Kissinger at 99: how to avoid another world war. The Cold War statesman on Putin, China and our new moment of peril. The Sunday Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/henry-kissinger-at-99-how-to-avoid-another-world-war-lwt6q5vbq>

²¹ Ibid.

²² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 1, 2.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Там же.

а с другой — обнаруживалась глубокая и по-своему объясняемая, в основном с духовно-нравственной точки зрения присущая русскому народу идея духовной свободы и особого государственного сознания.

Так, по мнению Н.А. Бердяева, «все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты — все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм — явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский — такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не востановимой ни в какую государственность. Наше народничество — явление характерно-русское, незнакомое Западной Европе, — есть явление безгосударственного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти, как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия — такое же явление безгосударственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, богоизбранной власти. Природа русского народа сознается, как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ»²⁵.

Однако наряду с этим, как писал Н.А. Бердяев, «Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю»²⁶. Н.А. Бердяев убедительно продемонстрировал в своих оценках своеобразие русского государственнического менталитета, более того — русской философии права и государства, что аскетический настрой русского человека, как бесспорно удостоверяет история, приводил к таким существенным приобретениям и трансформациям, которые органически формировали уникальность и величие России, ее культуры и политико-правовой идеологии. Конечно, она была непонятна для западных схоластов, сторонников

атомистической римской традиции «чистых полномочий» и борьбы за них. Преподобный Сергей Радонежский однажды очень точно сказал по поводу властолюбия: желание сана есть начало и корень властолюбия. Его слова можно легко применить к объяснению безудержного стремления к властвованию, которое атрибутируется западному политическому менталитету.

Н.А. Бердяев, характеризуя влияние западноевропейских форм политического мышления и идеологии, писал: «С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. <...> Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни. Эта особенность русской истории наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. <...> Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины»²⁷.

Следует отметить ещё одну важную черту русской политико-правовой ментальности, которую весьма образно выделял Н.А. Бердяев, суть которой заключается в том, что «русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им, как нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. У нас слово “националист” — оскорбительно-ругательное»²⁸.

В противоположность этому, как указывал Н.А. Бердяев, национальные государства Европы «претендуют распространять свое цивилизирующее влияние за ее пределы, на все части света и все народы, на всю поверхность земли. Это — политика империалистическая, которая всегда включает в себе универсалистическое притязание и должна быть отличима от политики националистической.

²⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 4, 5.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Там же. С. 6, 7.

²⁸ Там же. С. 118.

Национализм есть партикуляризм; империализм есть универсализм. В силу какого-то почти биологического закона, закона биологической социологии, великие... державы стремятся к бесконечному и ненасытному расширению, к поглощению всего слабого и малого, к мировому могуществу, хотят по-своему цивилизовать всю поверхность земного шара»²⁹.

Убедительно и красноречиво звучит вывод Н.А. Бердяева: «материальная сила и материальное величие России — наша исходная данность»³⁰. По мнению русского классика, «нам не приходится с трудом отвоевывать себе каждую пядь земли, чтобы быть великими. И мы имеем все основания полагать мировую миссию России в ее духовной жизни, в ее духовном, а не материальном универсализме, в ее пророческих предчувствиях новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религиозная жизнь. И если близится конец провинциально замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально замкнутой жизни России»³¹.

Конечно же, размышления о характере и своеобразии русской политико-правовой ментальности, философии права как идейной основе национальной правовой идеологии и политической этики были бы совершенно неполными без обращения к работам И.А. Ильина.

По Ильину, быть русским значит «воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее ограждать Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле»³². Кроме того, он подчеркивал, что быть русским означает также «созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции и любовью принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу»³³.

Для И.А. Ильина значение и характер русского культурно-исторического типа, смыслообразующих начал политико-правовой ментальности

и духовности заключаются в наборе разнообразных существенных характеристик, в которых выражается соответствующая историко-культурная глубина, реальность духовных явлений, охватывающих, как отмечал ранее Б.Н. Чичерин, духовные скрепы народа — язык, культуру, литературу и т.д. По Ильину, духовно-нравственная характеристика русского, в том числе политико-правового менталитета, заключается в том, чтобы знать историю своего Отечества, видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик, необходимости видеть наш народ «не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно — в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его омолитвованный быт»³⁴.

Политико-правовое сознание русского человека, согласно концепции И.А. Ильина, ищет свои корни «в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте»³⁵. В связи с этим весьма поучительным является его авторское обращение к народной культуре, фольклору: «Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке: “Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу”. <...> И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории — от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова “Праведников” и “Инженеров-Бессеребренников”; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине³⁶; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника — Митрополита Петербургского Венямина»³⁷.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ См.: *Достоевский Ф.М.* Фома Данилов, замученный русский герой. Т. 14. Глава первая. Дневник писателя 1877, 1880, 1881. Год II-й // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л., 1995.

Ф.М. Достоевский посвятил воину-мученику специальный раздел в «Дневнике писателя за 1877 год» — «Фома Данилов, замученный русский герой», в котором описал эту историю. Он назвал воина-мученика «эмблемой России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ее, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства». В настоящее время поднимается вопрос о канонизации Фомы Данилова. Дата памяти героя 3 декабря — в России День юриста. Праздник был установлен в 2008 г. Указом Президента РФ от 04.02.2008 г. № 130 «Об установлении Дня юриста».

³⁷ Ильин И.А. Указ. соч. С. 16.

²⁹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 120.

³⁰ Там же. С. 125, 126.

³¹ Там же.

³² Ильин И.А. О русском национализме. Почему мы верим в Россию // Ильин И.А. О русском национализме: сб. ст. М., 2007. С. 14.

³³ Там же.

Обладание в своей душе живой любовью и живой совестью, как проявление сознания имеющего Бога в себе, вот есть, по Ильину, две благороднейшие основы всякого жизненного служения — священнического, гражданского и военного, судебного и царского.

В связи с этим русский философ, юрист справедливо отмечает, что приведенное выше воззрение «исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: “Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением”»³⁸. Этому же вторят меткие и удачные обобщения И.А. Ильина, в которых он говорил о том, что указанное воззрение «выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей — и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода»³⁹.

Наконец, в качестве обобщения основных черт русской политико-правовой ментальности, русской нравственно-духовной самобытности и значения русской культуры, по мнению И.А. Ильина, могут рассматриваться положения о том, что «русский народ доказал свою способность к государственной организации..., политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен — разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость <...>; ...он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар; ...он, незащищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена <...>»; русский народ «создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению <...>; ...он, создавая свою особую национальную культуру, доказал — и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость <...>»; (что особенно примечательно для юридической мысли) русский народ «выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды

русского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права); ...он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству»⁴⁰.

Однако все эти черты и характеристики, несмотря на их глубокий и точный смысл, тем не менее пребывают не как нечто раз и навсегда зафиксированное в сознании современников и потомков. И сам И.А. Ильин понимал, что требуется немалая работа в части просвещения и образования, воспитания и культуры, чтобы сохранять это сознание достижений народа, что одно лишь формальное обучение не способствует формированию культурного человека. Оно скорее стирает историческую память, если ограничивается лишь техническими приемами познания. Сетования И.А. Ильина напоминают взгляд органической концепции права, ярко разработанной и представленной в учениях романистов XIX в., которые категорически отвергали способность лишь логическими средствами добиться решения социальной задачи права.

И.А. Ильин писал: «Образование, само по себе, есть дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера. Образование без воспитания не формирует человека, а разнудывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, — и начинает злоупотреблять. Надо раз навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолюдин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная “образованность” вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации»⁴¹.

Непонимание указанных требований есть выгодное средство для формирования деструктивных идеологий. И.А. Ильин, говоря о популярных в политической этике и философии права конструктах, отмечал, что «бессердечная свобода стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А беспредметная и противопредметная свобода — стала свободой беспринципности, разнудания, безверия, “модернизма” (во всех его видах) и безбожия. Все

³⁸ Ильин И.А. Указ. соч. С. 16.

³⁹ Там же. С. 17.

⁴⁰ Там же. С. 18, 19.

⁴¹ Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. Указ. соч. С. 123.

это связано взаимно; все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней»⁴².

Как раз влияние модернизма и иных факторов, которые назывались русскими классиками, и приводит в современном обществе к появлению весьма причудливых подходов и идей, которые либо упрощают значение политико-правовой культуры человечества до примитивных (игровых) конструкций, либо существенно искажают традиционные ценности в угоду тем силам, которые нацелены на пересоздание базовых основ традиционной культуры. Простой пример в этом отношении демонстрируют попытки конструктивистских проектов, формулируемых с помощью упрощенных социологизированных средств.

Если в русской классике политико-правовой мысли обсуждение ключевых проблем государства и права отличали глубокий и содержательный язык, фундаментальные идеи, выводы и наставления, то в эпоху конструктивизма популярными стали обезличенные формулы, которые ведут к стиранию любых проявлений традиционной культуры, фокусируясь лишь на случайных, иррациональных и проходящих моментах.

Так, в современных трактовках базовых ценностей социально-исторического развития России, в частности, предлагается ориентироваться не на идеи справедливости, правды, духовности, правосознания, а на «социально-историческое *самоощущение* (курсив наш. — А.С.) и цивилизационную *самооценку* (курсив наш. — А.С.) на основе принятых в обществе базовых ценностей, является важнейшим условием для выработки мировоззренческих концептов, стимулирующих конструктивную эволюцию общественных институтов», причем «интегральная система базовых ценностей» будет состоять из «набора существующих и желаемых качеств человека, социальных структур, общества, государства, страны в целом»⁴³.

Нацеленность авторов исключительно на социологизированное истолкование проблемы социально-исторического развития может иметь под собой определённые основания. Существуют и т.н. понимающие варианты социологической теории. Однако вызывают большие сомнения практики, в которых история объясняется только с точки зрения социологии, особенно, если она базируется

только на иностранных источниках⁴⁴. Очевидно, можно социологически объяснить некий срез эпохи, но для надлежащей интерпретации социально-исторического развития необходимо использовать значительно более широкий круг познавательных приемов и средств. В противном случае культура превращается в национальный код, в личностное самоощущение и т.п. В такой парадигме традиционной нормативной культуре не останется места.

Например, социальная идентичность определяется как «субъективно проинтерпретированная социальная категория, в которую встроены человек и к которой он испытывает чувство принадлежности. Подобными социальными категориями могут являться семья, класс, пол, политическое движение, территориальная общность, этническая или национальная группа, общество, страна, государство. Тогда как социальная идентификация — это самоопределение индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей»⁴⁵.

В связи с приведенными соображениями важно обратить внимание на фундаментальную проблему, с которой сталкивается современная политико-правовая мысль. Фокусируясь на различных формах и вариациях субъективных смыслов, разнообразных «Я-структур», мы невольно становимся заложниками опасной идеологической практики. Под благозвучными призывами к оценке политико-правового сознания или социально-исторического развития посредством личностных ощущений и субъективных смыслов, во-первых, воспроизводится традиционная для западной философии мысль о том, что в мире нет ничего, чтобы современный субъект не мог себе сконструировать, означить, а во-вторых, создается реальная угроза утрате исторической памяти, традиционной культуры и любых концептуальных идей, которые накоплены за долгие годы развития национальной духовно-нравственной культуры. Русской философско-правовой мысли, в том числе советской, всегда было присуще повышенное внимание к объективному значению традиционных ценностей, что отличало ее принципиально от ориентации

⁴² Ильин И.А. О воспитании в грядущей России. С. 124.

⁴³ Харичев А.Д., Шутлов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9, 10.

⁴⁴ Исследование «национального кода» лежит в русле изучения проблематики социальной идентичности. Исследователи социальной идентичности, начиная с основоположника теории социальной идентичности (А. Тэшфела), концепции самокатегоризации Д. Тернера, школы социальных представлений (М. Завалони, С. Московичи), а также сторонников концепции символического интеракционизма (И. Гоффман, Дж. Мид), предлагают рассматривать «социальную идентичность» в качестве одного из важнейших уровней «Я-отнесенности», «Я-концепции», самокатегоризации личности.

⁴⁵ Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

западной мысли на субъективный смысл окружающих явлений.

Так, например, Э. Эриксон⁴⁶ подчеркивает взаимосвязь идентичности и солидарности в обществе на основе общих ценностей, рассматривая идентичность в качестве «личностного конструкта», раскрывающего внутреннюю связь субъекта с социальными идеалами и групповыми стандартами, благодаря чему актуализируется процесс «Я-категоризации», формируются представления, в соответствии с которыми мы делим мир на «своих» и «чужих», на тех, кто похож, и на тех, кто непохож на нас. В политологии схожие связи между идентичностью и солидарностью отстаивает в своей работе Френсис Фукуяма⁴⁷.

Отмечается, что социальная идентичность включает в себя «аффективное отождествление агента со своей общностью, чувство “Мы”, эмоциональную связь. Идентичность представляет собой “повседневный плебисцит” и нуждается в постоянной легитимации»⁴⁸.

К чему приводят такие попытки интерпретации социально-исторического развития России? Ответ кроется в тех средствах, которые используют авторы соответствующих подходов.

Обсуждая будущее России языком немотивированных метафор, гротескных сравнений, человека в России будущего, место России будущего в мире, предлагаются такие модели, которые с помощью логико-лингвистических и социально-психологических приемов изначально искажают представления о русской культуре и ее традиционных ценностях, о своеобразии русской философии права и государства, политико-правовой ментальности и её нравственно-духовном содержании.

Что предлагает современная общественно-политическая мысль в этой связи? Она оперирует под видом неких проектных игровых форм гротескными сравнениями, которые даже могут показаться привлекательными, например, для молодёжи. Однако в действительности они девальвируют ценность государства, значение политической культуры. Так, в частности, предлагается обсуждать проблему социально-исторического развития России, государства и человека с помощью таких гротескных образов, как государство-роман, что подразумевает ракурс литературного произведения, как нечто готовое, завершённое, но в то же время в нем есть изменения, есть фабула, и этот роман пишется

коллективно гражданами-писателями и работает по принципу чата в противоположность жестким, клишированным рифмам, цензуре. При этом делается ссылка на произведения русской классики без учета реального содержания и замыслов писателей и поэтов, например, в связи с вольной интерпретацией произведений Гоголя, Пушкина, Лермонтова. Другим вариантом для обсуждения является образ государства-жар-птицы, что означает, по замыслу авторов таких гротескных приемов, использование государства как защиты от сглаза и непрошенных гостей, а также как предотвращение от грабежа со злым умыслом. Предлагается также символизировать концепции современного государства с помощью таких образов, как «Родина-Мать с лазерным мечом», что должно обозначать запрос на социальное государство с современной технологической платформой. Это может быть государство дружественного сервиса, которое не подавляет и контролирует, а предоставляет услуги гражданам, т.е. некое персонализированное государство, Россия как «страна-пророк», которая после выполнения предназначения дает возможность перехода в лучший мир, потому что спасла его, либо Россия как мировой страж, «страж добра», дивный град, предполагающий, по замыслу инициаторов, общность на определенных правилах и принципах вне зависимости от пола, расы, национальности, этноса и т.п., жители которого счастливы назло всем, либо государство-пирожок, который гармонично сочетает в себе разное: горькое, кислое и сладкое. Это может быть калейдоскоп, который постоянно изменяется в зависимости от того, в чьи руки попадает, государство-магнит среднего размера, создающее единое для всех поле определенной общности, которое будет метафорой общих правил. При этом поясняется, что в зависимости от того, какой силы у вас магнит, он либо сам вращает другие магниты, воздействуя и на себя, и на них, либо же вращается в связи с тем, что другие магниты доминируют, а он находится в чужом поле.

От ценностей предлагается перейти к более мягким и относительным явлениям и познавательным средствам. Доминанты меняются на установки, доверие, семейные традиции, согласие, созидание и т.п. Это очень напоминает то, как определялось принуждение в социологии права М. Вебера. Блестящий юрист и социолог так путанно объяснял принуждение, что даже самые основательные исследователи не смогли понять, что оно в социолого-правовой концепции немецкого мыслителя должно означать, поскольку оно включает в себя различные шансы, ожидания, экспектации, которые сознательно уходят от категории юридически должного.

Можно привести ещё поучительный пример, связанный с использованием популярного понятия «мягкое право». В нём ведь речь не о методах

⁴⁶ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

⁴⁷ См.: Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.

⁴⁸ Харичев А.Д., Шутков А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Указ. соч. С. 11.

регулируемого, а о виде или типе права. Раз, мол, есть «мягкое право», то по неумолимой логике должно появиться и «жесткое право». Если предложить выбрать, то, очевидно, большинство выберет более благозвучный вариант «мягкое», а «жесткое» пусть остается на откуп тем, кто является сторонниками якобы недемократических приемов регулирования. Такая пустая двойственность рождает опасные деструктивные правовые идеологии. Если бы речь шла об убеждении как способе регулирования, то было бы понятно, что означает подобная конструкция. Однако же авторы – в основном американские юристы-международники – имеют в виду совершенно другое, а именно право, которое обязательно только, если они в одностороннем порядке захотят его соблюдать, а может быть, и не захотят этого делать. Для российского юриста это было бы правонарушение, неисполнение права, бездействие права, неправомерное поведение, а для американского это всё правомерно, просто само право такое – гибкое и податливое.

Нельзя разрушать целостность знаний в области государства и права. Это ведет лишь к девальвации политико-правовой культуры. Современные конструктивистские практики могут использоваться для познавательных целей, дополнять существующие традиционные приемы глубокого, основательного и суверенного в своих культурных очертаниях и ключевых смыслах политико-правового знания и духовно-нравственной культуры.

Сегодня в политологической литературе высказываются беспокойства, что в «условиях медиатизации и виртуализации <...> современных массовых представлений о социально-политической реальности, характеризующихся значительным уменьшением роли прямого опыта в познании мира и одновременно существенным (и даже критическим) повышением роли опосредованных коммуникаций в процессах формирования миропонимания, мы можем констатировать существенные искажения объективной действительности в сознании масс, в связи с чем возникает вопрос о том, каким трансформациям подвергается традиционное мировоззрение людей, и какие факторы влияют на формирование мировоззренческих компонент в современном мире»⁴⁹. Кроме того, «на сегодняшний день формируется своего рода глобальная линия напряжения, связанная с решением вопроса о сохранении традиционного национального мировоззрения либо его полной замене на современные симулированные медиаконструкты,

поддерживаемые на глобальном уровне ведущими геополитическими акторами»⁵⁰.

Известный немецкий социолог и юрист Н. Луман писал: «Мы сопротивляемся воздействию медиа, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга»⁵¹.

Аналогичные рассуждения предлагаются Г. Маркузе, по мнению которого попытки выхода в реальность в большинстве случаев будут восприниматься системой и самим обществом неприемлемым действием, проявлением контрапозиции, требующим включения режима санкций и репрессий по отношению к отщепенцу. Наконец, в случае проявления массовых нежелательных отклонений от якобы существующей нормы с целью собственного самосохранения управляющая система немедленно включит «тотальную мобилизацию всех средств массовой информации для защиты существующей действительности»⁵².

Приведенные оценки и разъяснения, безусловно, имеют важное значение для понимания происходящих процессов в современном мире, особенно в политико-идеологическом плане. Действительно, влияние современных технологий на формирование общественного сознания велико. Удивляет при этом, правда, то, что в соответствующих конструктах часто не замечается момент, так сказать, социальной инженерии, попыток под видом констатации сложности современного мира и борьбы с концептуальностью прежних традиционных ценностных моделей навязать некую новую парадигму мышления, социального моделирования. Создается эффект нагнетания страха от ускорения и усложнения современного мира. Всё это зачастую служит не объяснению закономерностей социальной жизни и развития, а лишь для подготовки основ пересоздания или переформатирования традиционного общества и общечеловеческой культуры. По нашему убеждению, следует обратить внимание на фундаментальную проблему сознательного искажения глубокого и целостного знания, его релятивизацию, сопряженную с попытками перекраивания истории и мирового порядка. В этом отношении русская философия права – важнейшая сокровищница представлений о лучших и справедливых моделях формирования

⁵⁰ Там же. С. 23.

⁵¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 8.

⁵² Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002. С. 88.

⁴⁹ Володенков С. В. Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 20–40.

общественного порядка, политико-правовой культуры и ментальности.

Современной общественно-политической мысли чрезвычайно не хватает внимания к собственной национальной традиции философско-правового осмысления путей развития общества и государства, гражданина и вообще будущего человечества. Д.С. Лихачев справедливо отмечал, что особенностью русской литературы и ментальности является то, что она чрезвычайно глубоко погружена в прошлое, но нацелена всегда на будущее. Современная политико-правовая мысль, русская философия права представлены глубокими и основательными разработками, концепциями и теориями. Только в Институте государства и права РАН за последние несколько десятилетий были созданы фундаментальные правовые теории. Для примера можно назвать либертарную теорию правопонимания акад. РАН В.С. Нерсесянца, концепцию интегративного правопонимания и социолого-правовую концепцию «непрерывного растущего человека», сформулированные проф. В.Г. Графским, концепцию прав человека как стратегии устойчивого развития, разработанную в трудах члена-корр. РАН Е.А. Лукашевой, и многие другие.

Для популярных западных политологов кризис тех моделей, которые они пытались предложить миру, становится всё более очевидным. Западная культура, общественно-политическая мысль содержат выдающиеся примеры глубочайшего осмысления политико-правовых проблем, нравственно-духовных скреп традиционного европейского общества. Однако в современной литературе доминируют конструктивистские модели, используемые как идеологическое средство. Так, популярный футуролог Ф. Фукуяма пишет, что либерализм находится в опасности. Основы либеральных обществ – (якобы) терпимость к различиям, (якобы) уважение прав личности и верховенство закона, и все это находится под угрозой, поскольку мир переживает то, что можно назвать демократическим спадом или даже депрессией. По данным Freedom House, политические права и гражданские свободы во всем мире ежегодно снижаются в течение последних 16 лет⁵³. При этом изменения разъясняются на контрасте с «растущей силой автократий, таких как Китай и Россия»⁵⁴. Можно, правда, согласиться с тезисом Ф. Фукуямы о том, что «либеральные политические порядки требуют общих ценностей, таких как терпимость, компромисс и обдумывание, но они не способствуют прочным

эмоциональным связям, присущим тесно сплоченным религиозным и этнонационалистическим обществам. Действительно, либеральные общества часто поощряли бесцельную погоню за материальным самоудовлетворением»⁵⁵.

Ф. Фукуяма прав, утверждая, что «существует предел разнообразию, с которым могут справиться либеральные общества»⁵⁶. И отсюда следует отчаянный призыв футуролога о том, что идею национальности или нации не следует отбрасывать. Вроде как «цели либерализма полностью совместимы с миром, разделенным на национальные государства»⁵⁷. Ф. Фукуяма строит свои размышления о судьбах либерального общества не на конкретных аргументах и исторических доказательствах, не на философских обоснованиях значения и конкретных форм реализации принципа либерализма в культуре западного общества, а на некоей презумпции уникальности самоощущения некоторых представителей западного общества о каких-то достоинствах либеральной идеи. Это идеологический конструкт, а не философия государства или права. Если бы Ф. Фукуяма хотел бы убедить читателей в обоснованности его оценок, то очевидно, что для этого нужны более основательные суждения. Простой пример доказывает недостатки идеологем Ф. Фукуямы. Так, скажем, кого же следует считать выразителем лучших либеральных ценностей западного общества, по крайней мере в общественно-политической и юридической литературе: немецкого философа К. Маркса и его концепцию пролетарской революции, теорию насилия Л. Гумпловича, расистскую «политико-правовую» теорию К. Шмитта?

Как справедливо заметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, характеризуя современное общество, одни пребывают в состоянии «равнодушного (апатичного) гедонизма»⁵⁸, а другим, как и много столетий назад, не хватает средств к существованию. Вот, по сути, одна из главных проблем социально-исторического развития на современном этапе.

* * *

Русская философия права, или шире философия права в России⁵⁹, пока ещё не раскрыла свой потенциал в полной мере. Она нуждается в более

⁵³ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Зорькин В.Д. Право против хаоса. М., 2018. С. 76, 77.

⁵⁹ См., напр.: Философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2009; Кроткова Н.В. Необходим возврат к русской философии права // Образование и право. 2018. № 7. С. 35, 36.

⁵³ См.: Fukuyama F. A Country of Their Own Liberalism Needs the Nation. Foreign Affairs. May / June 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-04-01/francis-fukuyama-liberalism-country>

⁵⁴ Ibid.

внимательном и глубоком прочтении, переосмыслении. Она в состоянии предложить критический взгляд на любые современные политико-правовые проблемы. Она глубже и содержательнее многих современных футурологических проектов и идеологем. Идеи К.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и многих других могут восприниматься как смысловые характеристики русской правовой идеологии, русской политико-правовой ментальности, основа для критического осмысления и выработки элементов стратегии современного государственного строительства, общественного развития и раскрытия потенциала гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избр. труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М., 2010. С. 227–251.
2. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / предисл. Л. Полякова. Репринт. воспроизв. изд. 1918 г. М., 1990. С. 1, 2, 4–7, 118, 120, 125, 126.
3. Володенков С.В. Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 20–40.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2015.
5. Достоевский Ф.М. Фома Данилов, замученный русский герой. Т. 14. Глава первая. Дневник писателя 1877, 1880, 1881. Год II-й // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л., 1995.
6. Зорькин В.Д. Право против хаоса. М., 2018. С. 76, 77.
7. Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. О русском национализме: сб. ст. М., 2007. С. 123, 124.
8. Ильин И.А. О русском национализме. Почему мы верим в Россию // Ильин И.А. О русском национализме: сб. ст. М., 2007. С. 14–19.
9. Кроткова Н.В. Необходим возврат к русской философии права // Образование и право. 2018. № 7. С. 35, 36.
10. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 8.
11. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002. С. 88.
12. Политико-правовые ценности: история и современность / В.Г. Графский, Д.В. Дождев, Н.Н. Ефремова и др.; отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 2000. С. 89.
13. Философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2009.
14. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
15. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–11.
16. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
17. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.
18. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7, neu bearb. und erw. Aufl. – Heidelberg, 2004. S. 19.
19. Fukuyama F. A Country of Their Own Liberalism Needs the Nation. Foreign Affairs. May / June 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-04-01/francis-fukuyama-liberalism-country>
20. Gierke O. Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien. Tübingen, 1915.
21. Henry Kissinger at 99: how to avoid another world war. The Cold War statesman on Putin, China and our new moment of peril. The Sunday Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/henry-kissinger-at-99-how-to-avoid-another-world-war-lwt6q5vbq>

REFERENCES

1. Aksakov K.S., Aksakov I.S. Selected works / comp., authors of the introductory article and comment. A.A. Shirinyants, A.V. Myrikova, E.B. Fursova. M., 2010. P. 227–251 (in Russ.).
2. Berdyaev N.A. The Fate of Russia: experiments on the psychology of war and nationality / preface by L. Polyakov. Reprint. reproduced ed. 1918. M., 1990. P. 1, 2, 4–7, 118, 120, 125, 126 (in Russ.).
3. Volodenkov S.V. The surrounding world as a simulated reality: on the communication foundations of the modern worldview // Journal of Political Studies. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 20–40 (in Russ.).
4. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance. M., 2015 (in Russ.).
5. Dostoevsky F.M. Foma Danilov, the tortured Russian hero. Vol. 14. Chapter One. The writer's diary 1877, 1880, 1881. Year II-th // Dostoevsky F.M. Collected works: in 15 vols. L., 1995 (in Russ.).
6. Zorkin V.D. Law against chaos. M., 2018. P. 76, 77 (in Russ.).
7. Ilyin I.A. About education in the coming Russia // Ilyin I.A. About Russian nationalism: collection of art. M., 2007. P. 123, 124 (in Russ.).
8. Ilyin I.A. About Russian nationalism. Russian Nationalism: collection of art. M., 2007. P. 14–19 (in Russ.).
9. Krotkova N.V. A return to the Russian Philosophy of Law is necessary // Education and Law. 2018. No. 7. P. 35, 36 (in Russ.).
10. Lumann N. The reality of Mass media. M., 2005. P. 8 (in Russ.).

11. *Marcuse G.* Eros and Civilization. One-dimensional man. A study of the ideology of a developed industrial society. М., 2002. P. 88 (in Russ.).
12. Political and legal values: history and modernity / V.G. Grafsky, D.V. Dozhdev, N.N. Efremova et al.; ed. V.S. Nersesyants. М., 2000. P. 89 (in Russ.).
13. Philosophy of Law in Russia: history and modernity: materials of the third philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyants / res. ed. V.G. Grafsky. М., 2009 (in Russ.).
14. *Fukuyama F.* Identity: the desire for recognition and the politics of rejection. М., 2019 (in Russ.).
15. *Kharichev A.D., Shutov A. Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N.* Perception of basic values of factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation) // Journal of Political Studies. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 9–11 (in Russ.).
16. *Erikson E.* Identity: youth and crisis. М., 1996 (in Russ.).
17. *Yadov V.A.* Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity // The world of Russia. 1995. No. 3–4. P. 158–181 (in Russ.).
18. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7, neu bearb. und erw. Aufl. – Heidelberg, 2004. S. 19.
19. *Fukuyama F.* A Country of Their Own Liberalism Needs the Nation. Foreign Affairs. May / June 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-04-01/francis-fukuyama-liberalism-country>
20. *Gierke O.* Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien. Tübingen, 1915.
21. Henry Kissinger at 99: how to avoid another world war. The Cold War statesman on Putin, China and our new moment of peril. The Sunday Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/henry-kissinger-at-99-how-to-avoid-another-world-war-lwt6q5vbq>

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист РФ,
 директор Института государства и права
 Российской академии наук,
 главный редактор журнала
 «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation,
 Director of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia